

Глава 1

Политическая ситуация в конце 1910 — середине 1911 гг.: рамки и возможности Третьеиюньской системы

В начале 1911 г. Третьеиюньская система впервые испытала серьезный кризис: основные составляющие ее — правительство и законодательные палаты — вступили в открытое противоборство, чего ранее еще не случалось. Конфликт возник на почве разногласий по вопросу о развитии местного самоуправления, и для всех сторон он оказался принципиальным. От этого вопроса напрямую зависело будущее страны, которое тем или иным политическим силам виделось по-разному.

1.1 Политические основания и перспективы развития Третьеиюньской системы

Столыпинский либерально-консервативный курс, сформулированный в 1906–1907 гг., как известно, предполагал следующие направления. Реформа административного и полицейского аппарата призвана была создать систему, способную воспрепятствовать революционным процессам в России. Однако предотвратить их должно было масштабное реформирование всей русской жизни. Во-первых, оно подразумевало постепенное оформление новой политической культуры: проведение политических свобод (печати, собраний и союзов), развитие практики парламентаризма, постепенное ослабление стеснений национальных и религиозных меньшинств. Создание третьеиюньского октябристского парламента — воплощения союза власти и образованной общественности — позволяло, по мысли Столыпина, придать процессу

П. А. Столыпин

системный и управляемый характер. Это могло привести к политическому «успокоению» (стабилизации) и дать возможность осуществлять реформы. Во-вторых, предполагались масштабные социально-экономические мероприятия (аграрная реформа, социальное обеспечение рабочих, развитие народного образования), обеспечивающие перспективу дальнейшего развития России. Создание новой системы местного суда и самоуправления должно было способствовать этому процессу, закрепить его результаты. Развитие России обеспечивало ей сохранение статуса великой державы на международной арене. Однако решение этой задачи было связано также и с повышением обороноспособности (проведением военной и военно-морской программ).

Реализация подобной программы, по мысли Столыпина, была возможна лишь при сохранении суверенных (иначе, «самодержавных»¹) прав царской власти, от которой исходила инициатива создания конституционного строя. Выступая в Думе, премьер утверждал: «Историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценным достоянием русской государственности, так единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды»². Между тем политическая система, созданная в России в 1905–1907 гг., предполагала дуалистический, самодержавно-парламентский характер. Император, верховной властью которого были изданы манифесты 17 октября 1905 г. и 3 июня 1907 г., утверждены Основные государственные законы, сохранял свой суверенитет (самодержавие), однако делил с палатами законодательную власть. Только законодательный парламент, по мнению премьера, обеспечивал верховной власти прочную взаимосвязь с образованной общественностью. 16 ноября 1907 г., при открытии III Думы Столыпин заявил: «При наличии Государственной думы задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на образование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения

1. Демин В. А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 83–85.

2. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К. Ф. Шацилло, сост., коммент. Ю. Г. Фельштинского. М., 1991. С. 102.

власти, так и бездействия оной»³. Вполне можно согласиться с тем, что Столыпин искренне верил в возможность Думы в той или иной степени контролировать государственные финансы и администрацию⁴. В действительности Дума, несмотря на «забронированные статьи», имела достаточно широкие полномочия при вотировании бюджета и при определении структуры государственных учреждений, а также использовала в отношении правительства право запросов (при том, что депутаты обладали не только формальной, но и, как правило, реальной безответственностью). Но в остальном оказать влияния на действия администрации законодательная палата не могла⁵.

Совет министров (высший административный орган Империи), ответственный перед Императором, призван был к осуществлению исполнительной власти. Его полномочия, в соответствии с Основными государственными законами, целиком и полностью вытекали из прерогатив верховной власти. Между тем, реальная политика проводилась именно правительством. Министры формально назначались Императором и не имели общей программы. Каждый министр в силу права Всеподданнейшего доклада был относительно независим в определении своего ведомственного курса. Вместе с тем, министры при осуществлении сколько-нибудь важных мероприятий были обязаны (за исключением военного, морского, иностранных дел и Императорского двора) и вынуждены координировать свои усилия с другими ведомствами⁶. Совет министров формально-юридически был объединен подобной процедурой обсуждения различных вопросов, а политически — фигурой своего председателя. Полномочия председателя Совета министров определялись Положением о Совете министров и по сути сводились лишь к координации политики министров (вопросы правительственной стратегии или кадровой политики формально в его компетенции не находились, однако могли решаться и обычно решались при Всеподданнейшем докладе). Степень неформального влияния премьера, конкретная специфика его взаимоотношений с Монархом, сами по себе взаимосвязанные, в такой ситуации были решающими факторами. Внутренняя политика России в третьеиюньский период, таким образом, официально формировалась четырьмя основными субъектами: Императорской властью, Советом министров, Государственным советом и Думой. Различное влияние на развитие ситуации также оказывали придворные, отдельные чиновники, парламентские комиссии, группы и фракции, печать и партии, органы самоуправления, сословные корпорации.

3. Там же. С. 99.

4. Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. С. 43.

5. Демин В. А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 32–35, 46, 57–63, 71; Соловьев К. А. Бюджетное право в период думской монархии // Вопросы истории. 2009. №6. С. 27–38.

6. Подр. см.: Флоринский М. Ф. Институт всеподданнейших докладов членов Российского правительства (1905–1914 гг.) // Политическая история России начала XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / Ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., 2011. С. 80–92.

Третьеиюньская система безусловно являлась «реакционной» (то есть была реакцией на Первую русскую революцию), но по тогдашним меркам ее вряд ли можно было бы назвать отсталой. Как и в большинстве крупных европейских стран (кроме Франции и, лишь отчасти, Германии), российская конституция (Основные государственные законы 1906 г., ОГЗ) являлась дарованной (октроированной), а ее появление было вызвано революционными событиями. Монарх, хоть и отказавшийся от неограниченного статуса, оставался безусловным источником конституционного строя.

Как известно, выборы в Государственную думу не были всеобщими. Избирательными правами по избирательным законам 1905 г. не обладали женщины, военнослужащие и высшие представители местной администрации, учащиеся (в т. ч. студенты), «бродячие инородцы» (коренные народы Севера), а также пораженные в правах (совершившие уголовные преступления, осужденные за должностные преступления (в течение 3 лет), подсудимые и подследственные, уклоняющиеся от исполнения воинской повинности, лишенные духовного сана, исключенные из дворянских сословных организаций). Возрастной ценз составлял 25 лет. По избирательному закону 1907 г. избирательных прав также было лишено коренное население Средней Азии. По оценке Н. И. Лазаревского, избирательное право распространялось на 15% подданных⁷. Однако всеобщее избирательное право в тот период еще не стало мировой практикой: впервые оно было введено лишь в 1906 г. — в Великом княжестве Финляндском, и затем только в 1913 г. — в Норвегии, а в 1915 г. — в Дании. Оно также было провозглашено в некоторых североамериканских штатах и в британских доминионах — Новой Зеландии и Австралии — но не распространялось на расовые меньшинства. Всеобщее избирательное право для мужчин (без учета населения большинства колоний и с высоким возрастным цензом) было установлено во Французской республике (1848 г.), Швейцарском союзе (1848 г.), Германской империи (1871 г.), королевствах Норвегия (1905 г.) и Швеция (1907 г.), Португальской республике (1911 г.). В Британии, Австрии (Цислейтании), Италии политическими правами обладало 15–20% населения, в Венгрии (Транслейтании), Испании и Японии — менее 10. Расширение числа лиц, обладающих политическими правами, было связано как с революционным процессом (на романском юге Европы), так и с развитием традиции самоуправления (германский и англосаксонский север). Развитие событий в России было сходно с романской традицией, но важно отметить, что она также подразумевала возможность широкой политической реакции.

Россия после Первой революции сразу оказалась на «среднеевропейском» уровне по формальному распространению политических прав. Вместе с тем, ее система голосования предполагала неравные и многоступенчатые выборы. По мнению Н. И. Лазаревского, российская система выборов имела все недостатки, связанные с всеобщим избирательным правом (его распространение на неграмотных), но не имела соответствующих преимуществ, поскольку отличалась ярко выраженным неравенством голосов. «Наше законодательство о выборах

7. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 480. Эта цифра представляется несколько заниженной.

в Гос. Думу необыкновенно сложно. Это, может быть, самая запутанная и несовершенная система выборов, которая когда-либо существовала», — писал Лазаревский и цитировал французского юриста, который полагал, что такая система «может быть только переходною» и «предназначена к исчезновению»⁸. Отличительной особенностью России было сочетание сословного, имущественного и национального цензов, каждый из которых являлся очень высоким. Достаточно высокий имущественный ценз также сохранялся в Австрии, очень высок он был в соседних с Россией Венгрии и Японии. Национальный ценз также существовал в Австро-Венгрии, которая, наряду с Россией, по сути была единственной державой в Европе, в которой нетитульные нации составляли значительную часть населения. Сословные курии в Австро-Венгрии были отменены лишь в 1907 г. Прямые выборы были установлены только в Германии (при неравенстве округов) и Британии.

Прочные позиции землевладельческой аристократии, как правило, сдерживали указанные процессы. Политической гарантией власти аристократии нередко была вторая палата парламента. Порядок ее формирования в целом определялся соотношением власти и влияния аристократии и монаршей власти. В Австрии, Венгрии, Италии вторая палата являлась назначаемой (в Италии — пожизненно), в Испании и Японии — смешанной (присутствовали выборные от аристократии), в Британии — наследственной⁹. Лишь во Франции и Германии вторая палата формировалась путем избрания депутатов с мест. Уравнение обеих палат в правах (кроме бюджетных, где приоритет оставался за первой) уже было осуществлено в Британии, Италии, Испании. Более значимыми полномочиями в сравнении с нижней верхняя палата обладала во Франции, Германии, Австрии и Венгрии, Японии. В России в отношении второй палаты — Государственного совета — была установлена смешанная система комплектования и равные полномочия с Думой. Выборы в Совет, в сравнении с некоторыми европейскими образцами, осуществлялись по достаточно «демократичной» схеме. Следует отметить, что по закону Император имел право вообще не назначать членов Совета (ст. 100 ОГЗ), хотя на практике назначенные всегда составляли максимальное число — половину от общего числа членов палаты; это диктовалось не стремлением наполнить палату «реакционерами» и полностью парализовать законодательный процесс, а желанием перенести возможный конфликт представительства и верховной власти в законодательные палаты и локализовать его в рамках законодательного процесса. В целом, это защищало позиции монаршей власти и стабилизировало российскую политическую систему, однако было чревато затяжным конфликтом палат и законодательным кризисом. Государственный совет по сути не являлся верхней палатой, и именованье «лорды» в отношении его членов могло быть

8. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 482; Marchand R. Les grands problèmes de la politique intérieure russe. London, 1912. P. XIX.

9. Интересно, что гр. С. Ю. Витте в интервью британской прессе в 1911 г. выступил за ликвидацию британской палаты лордов, поскольку она была «учреждением средневековым, отжившим» и «не оправдывается ни практическими, ни научными соображениями» (Речь, 9 апреля 1911 г., со ссылкой на газету «Daily telegraph»).

не более чем иронией. Таким образом, по закону принципы взаимоотношений законодательных палат в России были по европейским меркам того времени достаточно либеральными. Подобная ситуация отражала ряд российских особенностей: относительную слабость аристократии (особенно по сравнению с Австро-Венгрией, Германией, Британией, Испанией), высокое политическое значение монархии, а также еще не израсходованные законные возможности либерализации существующего политического строя.

Развитие парламентаризма привело к созданию ответственного перед парламентом и формируемого им правительства в Британии, Франции, а также в Испании и Италии. Не несло ответственности перед парламентом и формировалось монархом правительство в Германии, Японии, России. В Германии и Японии правительство было единым и само оказывало большое влияние на работу парламента (германский канцлер возглавлял его верхнюю палату — Бундесрат (Союзный совет), а японское правительство монополизировало законодательную инициативу). Только в России «безответственные» министры должны были отвечать на парламентские запросы. Широкое право думских запросов в России¹⁰ усиливало парламент (но в деструктивном ключе) и в случае отсутствия сильного премьера становилось еще одним фактором децентрализации правительства¹¹.

В Британии и Испании монарх не имел никаких реальных политических полномочий. В Италии монарху принадлежала исполнительная власть и возможность косвенного участия в законодательной (через пожизненное назначение членов верхней палаты), в Германии и Австро-Венгрии — сильное влияние на законодательство. В Японии и России император имел исполнительную власть и участвовал в законодательстве (в том числе, определял срок парламентских сессий, осуществлял чрезвычайно-указное законодательство); в Японии — формально гораздо более значимо, однако его фактически затмевал премьер, назначение которого зависело от бюрократической элиты. В целом, милитаристско-харизматические режимы (Германия, Япония, Россия) сохраняли сильную императорскую власть. Но в Германии и Японии императорская власть была новоучрежденной или радикально реформированной и связанной с аристократической элитой, а в России — традиционной и формально не зависимой. В результате российская верховная власть не имела столь определенной бюрократической и аристократической опоры, как в Германии и Японии, а политическая система фактически была менее централизованной. Таким образом, российский парламент (пусть и столь ограниченный по представительству, как третьеиюньская Дума) мог претен-

10. Подр. см.: *Рябухин И.В.* Запросная деятельность в Государственной думе Российской империи (1906–1917 гг.). Дисс. ... к. и. н. Барнаул, 2013.

11. Подр. см.: *Куликов С.В.* Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX века: сравнительный анализ // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в истории России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей. Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2010. С. 11–109.

довать на большую политическую власть, особенно в ситуации политического кризиса.

А кризис был неизбежен. Если российский «обновленный строй» был вполне сравним с политическими системами европейских стран и Японии, то основывался он на гораздо менее прочной социально-экономической базе. Основными факторами риска были низкий уровень благосостояния и грамотности населения, слабые традиции самоуправления, ускоренная экономическая трансформация и неизбежный в таких условиях рост социальных проблем, а также ярко выраженная полиэтничность.

Уже в 1908–1909 гг. вполне проявились программные противоречия столыпинского курса. Прежде всего, обострилась его основная политическая коллизия (подавление революции и развитие политических свобод), из чего неизбежно вытекал конфликт Столыпина с правыми. Экономические реформы (аграрная, рабочее законодательство) провоцировали конфликт как с правыми, так и с октябристами, поскольку создавали угрозу их благосостоянию. Важным было и финансово-политическое противоречие, вызванное необходимостью распределять затраты по различным направлениям реформ, что порождало конфликт Столыпина с правыми и министром финансов В.Н.Ковцовым. Уже в это время Столыпин лишился значительной части своих политических союзников, но исключительной вины премьера в этом не было. Те, кто продолжал на него ориентироваться (в первую очередь, лидер распадавшейся октябристской партии А.И.Гучков), по сути были значительно менее влиятельны, чем сам Столыпин.

Премьер выражал уверенность в возможностях политического компромисса с октябристами, но уже с 1909–1910 гг. видел во фракциях объект своей собственной политики, не опору, а инструмент реформирования страны. Такое поведение являлось вполне закономерным. Не только октябристы, но и иные политические партии без исключения находились в ситуации набиравшего силу паралича и распада; тем сильнее было желание закрепиться в парламенте¹². Между тем, законодательный процесс, на взгляд министра торговли и промышленности С.И.Тимашева, тормозился в Думе политиканством депутатов, громоздкостью комиссий, непрофессионализмом их состава. Законопроекты были плохо подготовлены, а их прохождение определялось внешними причинами. Столыпин, по свидетельству его коллеги, тратил значительное время на переговоры с депутатами с целью обеспечения своей политики, устраивал неофициальные приемы («чашки чаю»)¹³. Политика премьера не предполагала думского лавирования, а потому ленинское мнение о «думском маятнике» не оправдывается расчетами и поведением самого премьера¹⁴.

12. Подр. см.: *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.

13. *Тимашев С. И.* Кабинет Столыпина: из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 117–122.

14. Лидер кадетов П. Н. Милуков также считал, что левое большинство формировалось в исключительных случаях и только в отношении социальных вопросов за счет

А. И. Гучков

Печать, наряду с парламентом, оставалась главным инструментом партий (особое значение по своей оперативности и информированности в этом смысле, конечно, имела печать кадетская) и по мере обострения ситуации все более и более втягивалась в конфликт. Тотальное использование печати в политической борьбе отмечал сам Столыпин, когда признавался А. П. Извольскому: «У нас прессы нет, а то, что есть, кривое зеркало»¹⁵. Как вспоминал уже в советское время один из журналистов, «в период 1910–1914 гг., несмотря на господство реакционных тенденций, с прессой бороться стало несоизмеримо трудно»¹⁶.

Октябристы (точнее, их думская фракция) являлись одним из основных элементов Третьеиюньской системы. По мнению самих октябристов, закон 3 июня был благом безотносительным: именно после него, как утверждал Гучков в своем докладе на III партийном съезде в октябре 1909 г., «наступило общее отрезвление»¹⁷. Лидер октябристов провозглашал: «Акт 3-го июня был спасением для Г. Думы. <...> Только благодаря этой реформе избирательного закона представительный строй России пустил глубокие корни. И теперь только в безумных головах может родиться мысль о его уничтожении». Суть реформы, по его мнению, заключалась в «ограничении влияния инородцев, <...> усилении влияния коренного населения, и в том, что к законодательной деятельности призывались элементы, привыкшие к работе в земских и городских самоуправлениях»¹⁸. Парламентская деятельность воспринималась октябристами как основное направление партийной работы¹⁹.

входивших в центр крестьян и духовенства (Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. М., 2000. 20 октября 1908 г. С. 45).

15. П. А. Столыпин — А. П. Извольскому, 28 июля 1911 г. // П. А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 425–426.

16. Кантор Р. Л. Львов (Клячко) и Департамент полиции // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1208. Оп. 1. Д. 86. Л. 74об.

17. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 82.

18. Там же. С. 334.

19. Благодаря октябристскому центру в течение первых трех сессий III Думы удалось провести аграрные законопроекты (об аграрной реформе, о землеустройстве, о ссудах переселенцам), законопроекты о местном суде, о биржевых съездах, о западном земстве, о порядке издания законов в Финляндии, вероисповедные законопроекты (о переходе в иные вероисповедания, о правах снявших сан, о старо-

Октябристы подчеркивали отсутствие у них полного контроля над Думой. Гучков отмечал: «Мы никогда не были в Думе большинством, никогда не были хозяевами положения. Мы всегда были лишь сильным меньшинством». Заключение стратегического соглашения с правыми или левыми для октябристов было невозможно из политических соображений: это было чревато разрывом с избирателями или, наоборот, со Столыпиным. На партийном съезде Гучков напрочь отметал возможность опираться на правых и национальные фракции, а в отношении кадетов размышлял вслух: «Могли ли мы опереться на кадетов? В начале третьей Думы у кадетов такой расчет был <...> Но соглашение не состоялось, и этот вопрос никогда у нас серьезно и не ставился. В кадетских рядах мы признаем наличие элементов, годных для совместной работы, но они сами в партии не имеют никакого веса. Кадетское же ядро, сложившееся в содружестве с революцией и ярко выразившееся во время забастовок 1905 г., наконец, занявшее двусмысленное и колеблющееся положение во время вооруженного восстания, — положило между нами непроходимую грань. Указывают теперь на признаки эволюции в кадетских рядах, на разрыв с революцией. Да, некоторые национальные струи пробиваются сквозь характерный кадетский космополитизм. Но мы не знаем, естественная ли это эволюция или тактический прием. *(Возгласы: «Браво!»)* Против соглашения с кадетами говорит еще одно обстоятельство: их малая заинтересованность в продуктивности думской работы. Кадеты в Думе не работают, а если работают, то с агитационными целями». Наиболее конструктивными, по мнению Гучкова, у октябристов были отношения с прогрессистами и умеренно-правыми. Однако группа прогрессистов была «очень малочисленна и недостаточно ясно определила свою физиономию»; с умеренно-правыми же, как заявлял Гучков, «настоящего блока <...> никогда не было», хотя причины этого лидером октябристов не упоминались²⁰. Октябристы (точнее подконтрольный Гучкову октябристский печатный орган — «Голос Москвы») надеялись на раскол кадетов и создание новой партии на базе прогрессистов и правого кадетского крыла во главе с В.А.Маклаковым²¹.

Несмотря на явно обнажившиеся проблемы партий, обозначились и властные амбиции лидеров Союза 17 октября, их стремление перейти к частично-му парламентскому контролю и управлению, что только усиливало проблемы Третьеиюньской системы. Думская активность октябристов проявилась по двум основным направлениям — связанным с обороной и Церковью — которые предполагали нажим на прерогативы императорской власти. Это позволяло демонстрировать перед избирателем независимость партии, не задевать самолюбия премьера и создавать условия для политического торга с правитель-

обрядцах). Инициатором большинства этих законопроектов было правительство. Законопроекты о рабочем страховании, о торговых служащих, о всеобщем начальном образовании, о начальных училищах, о земствах на окраинах, об общественном и городском управлении в Польше, о Холмщине дожидались своей очереди. Важно отметить, что радикально-либеральные законопроекты о собраниях и союзах, печати, демократизации земства в III Думу не вносились.

20. Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 83–84.

21. Голос Москвы, 4 мая 1910 г.

ством. В правовой коллизии вокруг 96-й статьи ОГЗ, посвященной прерогативам Императора в оборонной сфере, Верховная власть формально одержала верх, но октябристы смогли поддержать свой образ независимой политической силы и развили неформальные отношения с военными верхами²². Во второй сфере главным стал вопрос церковно-приходских школ. Это вело к конфликту по поводу трактовки 65-й статьи ОГЗ о церковном управлении.

Политика октябристов уже в начале 1910 г. привела к частичной потере инициативы в рамках Думы, активизации правого и левого крыльев и кризису октябристского центра. Все попытки октябристов играть в оппозицию, как справедливо отмечал лидер кадетов П.Н.Миллюков, могли привести лишь к их провалу на выборах, расколу партии и усилению крыльев в следующей Думе²³. На будущих выборах националисты и кадеты выступали естественными конкурентами октябристов. Эта перспектива подталкивала октябристов к поиску более тесных отношений как с правительством, так и с избирателями, что являлось заведомым противоречием. Предвыборная стратегия становилась слишком сложной и противоречивой. Однако октябристы были подчеркнуто принципиальны. Гучков заявлял: «Наш идеал — конституционная монархия дуалистического типа, сильная монархическая власть и министерство, ответственное перед монархом. Эту позицию мы сохраняем и поныне и за это подвергаемся ярым нападкам. <...> Нас называют правительственной партией и упрекают в угодничестве. Но двухлетняя работа в Гос. Думе — прямое опровержение этого упрека. <...> Не осталось ни одного темного уголка правительственной деятельности, который не был бы беспощадно и ярко освещен представителями нашей партии. И мы боролись не только с правительством: рядом с правительством и над ним мы указали наличность вредных темных сил, очень влиятельных и безответственных». Однако лидер октябристов подчеркивал: «На <...> путь оппозиции ради оппозиции <...> мы никогда не встанем»²⁴. Как отмечал позднее Миллюков, Гучков тем самым затевал собственную «большую игру»²⁵. Игра была рискованной, поскольку правительственная поддержка представлялась октябристам все же более ценной и надежной, чем опора на избирателей. Показательный пример: когда летом 1910 г. после решения Сената о бесполезности «Обществ обывателей и избирателей» последовало распоряжение петербургского градоначальника о их роспуске, это вызвало лишь недоумение думцев. Однако, как они сами признавались, они были в этом вопросе бессильны²⁶.

Идеология Конституционно-демократической партии была радикально-либеральной с развитой социальной компонентой²⁷. Как справедливо отме-

22. Дякин В.С. Ук. соч. С. 91–107; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003. С. 12–21.

23. Речь, 21 ноября 1910 г.

24. Партия «Союз 17 октября»... Т.2. С. 85.

25. Миллюков П.Н. Большой человек: А.И.Гучков // Последние новости, 15 февраля 1936 г.

26. Разгром // Там же. 28 августа 1910 г.

27. Подр. см.: Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.

чал еще В.А.Маклаков (член ЦК партии и один из наиболее известных ораторов Думы), конституционных демократов нельзя было считать классическими либералами. Этот взгляд, в частности, высказывался им в рецензии на мемуары британского дипломата Б. Пэрса «Падение русской монархии». Пэрс считал кадетов либералами английского типа, «оппозицией Его Величества», как было заявлено П.Н.Милюковым в Британии в 1909 г. «Но, — как писал Маклаков, — ведь даже для этого времени это для конституционных демократов было неправдой». Маклаков отмечал, что Пэрс «поддался версии, которую русские либералы внушали Европе»²⁸. Прогрессисты также резонно считали, что «буржуазный либерализм» кадетам был совершенно чужд²⁹. Между тем, отстраняясь от буржуазии, кадеты также были искренне убеждены, что именно конституционно-демократическая партия составляла цвет русской оппозиционной общественности. Кн.Д.И.Шаховской, человек кристальной личной честности, полностью посвятивший себя общественному служению, утверждал: «Нет в России другой партии, которая могла бы взяться за эту работу, кроме нашей»³⁰. «Без кадетской партии наша страна была бы похожа на Турцию: направо и налево от нас еще неорганизованный хаос», — считала член кадетского ЦК А.В.Тыркова³¹.

Образ бюрократии в восприятии радикальных либералов в целом имел законченный и статический характер и предназначался как для внутреннего, так и для внешнего «использования»; оценки, как правило, не содержали сколько-нибудь развернутой аргументации и, как изначально предполагалось, в силу некоей традиционной «очевидности» должны были приниматься на веру³². Понятие «бюрократия» для конституционного демократа (как и для любого представителя освободительного движения с его представлением о враждующих в стране политических лагерях) включало в себя не только государственный чиновничий аппарат, но и весь властный механизм империи: поэтому Верховная власть также включалось в состав бюрократии; Монарх рассматривался как главный бюрократ, самодержавие — как «бюродержавие» (это распространенное в социалистических кругах слово здесь также вполне уместно). При этом бюрократия принципиально отделялась от остальной страны, от общественности и народа, и определялась как их антипод.

Оценки бюрократии либералами можно условно разделить на формальные (связанные с характеристикой ее общего положения в социально-политической системе и деловых качеств) и этически окрашенные (характери-

28. Маклаков В.А. О книге Пэрса «Падение русской монархии» // История и историки. 2001. Историографический вестник. Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 2001. С.307, 313.

29. Семенов М. Смута // Утро России, 27 сентября 1913 г.

30. Съезды и конференции... Т.3. Кн.1. С.173.

31. Там же. С.287.

32. Это отнюдь не значило, что кадеты не интересовались происходящим в правительстве. Кадеты платили свои информаторам в бюрократической среде по 100 руб. за отчет о каждом заседании Совета министров, в 1911 г. на это было потрачено в общей сложности 7000 руб. (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.102. Оп.241. 1911. Д.27. ч. 57. Лл.9–10).

зующие политическую позицию и курс бюрократии). Русская бюрократия считалась главной силой страны, поскольку в ее руках находились мощнейшие материальные и организационные ресурсы. П. Н. Милюков признавал, что за бюрократией «стоит весь громадный, хотя и неуклюжий, но всё же налаженный на работу чиновничий механизм с его традицией и рутинной»³³. Либералы (авторитетные «Русские ведомости», главным редактором которых был член ЦК А. А. Кизеветтер) отмечали как сильную черту бюрократии «то единственное, чем она гордилась и в чем старалась найти искупление своим грехам, — внешний порядок и формальную работоспособность»³⁴. Впоследствии именно с бюрократией А. А. Кизеветтер связывал тот «громадный размах, который был придан в 90-х и в 900-х годах развитию государственного хозяйства»; поэтому он считал, что «никак нельзя изображать русскую бюрократию конца империи сплошным сборищем рамоликов и лентяев». По мнению историка-кадета, «беда заключалась вовсе не в бездеятельности и неработоспособности бюрократии, а в том, что политика власти направилась по ложному пути и в связи с этим работа бюрократии — очень усиленная и интенсивная — не давала благодетельных результатов, а прямо наоборот усиливала внутреннее расстройство, чреватое роковыми последствиями»³⁵.

Представление о силе бюрократии и порой вынужденное осознание собственной слабости вело к тому, что бюрократия обвинялась во всех негативных аспектах русской жизни. Ординарным стилем поведения чиновничества были, как считалось, бессмыслица и мертвенность, переходящие нередко в откровенное безобразие. А. И. Шингарев так характеризовал очередную бюджетную декларацию правительства: «Декларация председателя Совета министров напоминает мне слова Гончарова, сказанные о русской государственности в 1847 году: одни колеса и пружины, живого дела нет»³⁶. Д. Д. Протопопов по поводу внесения правительством в Думу проекта реформы земского положения писал в частном письме: «Пропадут они — их дело ломать, портить, гасить, а не создавать. Тут они всегда ломаются и делаются смешными»³⁷. Общий портрет бюрократии, особенно в плане оценки ее политической значимости и профессиональных качеств, был достаточно противоречив. Потому не удивительно, что от обвинений в косности либералы часто переходили к осуждению морального состояния чиновничества, и именно здесь крылся основной пункт критики. Сама по себе бюрократическая деятельность нередко считалась заведомо аморальной и заслуживающей публичного порицания. Как вспоминал кн. В. А. Оболенский, несмотря на высокий спрос на образованных людей на чиновничьих должностях, его поколение не шло в чиновники и упрекало в этом

33. Съезды и конференции... Т. 3. Кн. 1. С. 124. Политический доклад П. Н. Милюкова на июньской кадетской конференции 7 июня 1915 г.

34. Русские ведомости, 5 января 1917 г.

35. Кизеветтер А. А. Из размышлений о революции // Современные записки. 1930. №42. С. 359.

36. Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. Ч. 1. Стб. 451. 8 декабря 1912 г.

37. ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 309. Д. Д. Протопопов — М. В. Челнокову, 12–13 августа 1913 г.

своих старших товарищей 1880-х гг. Оболенский отмечал: «Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепольной, в конечном счете приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть. Кроме того, мы видели перед собой целый ряд примеров того, как люди самых левых убеждений, поступив на государственную службу, постепенно привыкали к компромиссам и теряли свой оппозиционный пыл». Оставалось, по мнению мемуариста, идти в науку, литературу, искусство, педагогику и «общественную деятельность», непременно оппозиционную или революционную³⁸. В представлении русского либерала все бюрократы по своим моральным и деловым качествам были принципиально одинаковы. В. И. Вернадский не открывал глаза товарищам по партии, когда говорил, что «Кассо и Сазонов — деятели приблизительно одной марки»³⁹. Либералы открыто давали понять, что редкий бюрократ мог рассчитывать на общественное (то есть кадетское) доверие, при этом имена заслуживавших как правило не назывались.

Часто отмечалась стратегическая бесперспективность бюрократии. Общим местом кадетской критики правительства было утверждение о том, что власть ведет страну «к катастрофе»⁴⁰. Бюрократический курс в восприятии либералов не мог измениться к лучшему. Изменения могли означать лишь ухудшение политического положения. Восприятие бюрократии определяло и соответствующее поведение оппозиции при взаимодействии с ней. Возможности и границы соглашения с бюрократией радикальными либералами никогда заранее не определялись, что нередко порождало (у стороннего наблюдателя или незадачливого историка) иллюзию их сговорчивости. На самом деле эта неопределенность была лишь неизбежным следствием желания радикальных либералов сохранить преимущественно легальный характер собственной оппозиционности, не замкнуться в «непримиримом» подполье. Общественная деятельность рассматривалась как способ политической конкуренции с бюрократией. В период Первой мировой войны победа над внешним врагом, достигнутая при помощи общественных усилий, должна была принести и долгожданную победу над врагом внутренним. Однако очень скоро традиционный враг — бюрократия — был воспринят в качестве важнейшего, а сконструированный образ бюрократа безболезненно трансформировался в средство пропагандистской борьбы⁴¹.

Вместе с тем, видение кадетами перспектив развития ситуации определялось прежде всего двумя очевидными для партийного руководства факто-

38. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 102.

39. Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1997–1998. Т. 2. С. 97. 12 октября 1912 г.

40. См., напр.: Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СО. Ч. 1. Стб. 327. 7 декабря 1912 г.

41. Подр. см.: Гайда Ф. А. Бюрократ глазами либерала: российское правительство в восприятии парламентской оппозиции (1911–1917 гг.) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / [сост. Л. Г. Захарова, С. В. Мироненко, Т. Эммонс]; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак-т. — М., 2008. С. 647–656.

рами. Во-первых, конституционные демократы осознавали свое изолированное положение в рамках Третьеиюньской системы. Участие в деятельности III Думы не приносило партии сколько-нибудь ощутимых политических плодов. Отношения с октябристским парламентским большинством были враждебными. Как октябристы, так и кадеты воспринимали постановку вопроса о совместной деятельности их партий, а тем более — думских фракций, как отказ от основополагающих политических принципов, определенных еще в период размежевания оппозиционного движения в 1902–1904 гг. и закрепленных в период спада Первой революции в 1906–1907 гг.: для кадетов подобное соглашение означало отступление от идеалов освободительного движения, для октябристов — союз с революцией. С 1907 г. именно между октябристами и кадетами пролегал основной, отнюдь не риторический рубеж общественно-го размежевания, связанный с признанием или отрицанием существовавшего политического строя.

Во-вторых, партийная организация кадетов находилась в состоянии глубокого кризиса. Продолжался процесс разрушения партийных структур. Он был обусловлен как слабостью (в большинстве случаев — симуляцией) попыток партийного руководства восстановить жизнеспособность местных организаций, так и, в еще большей степени, глобальными процессами, происходившими в русском обществе: связанным с развитием национальной экономики нарастанием «буржуазных» прагматичных (следовательно, не кадетских) настроений, продолжающейся аграрной реформой, ростом «делового подхода» в земской среде. А. С. Изгоев небезосновательно считал, что кризис российских партий был связан с тем, что они вышли из революции и с трудом приспосабливались к послереволюционным условиям⁴². Попытка некоторых влиятельных членов партии (П. Б. Струве, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского) переформулировать кадетскую повестку исходя из складывавшейся ситуации, проявившаяся в сборнике «Вехи» (1909 г.) встретила жесткое сопротивление партийного ядра и была отвергнута. Однако в целом развитие страны в этот период шло не в том направлении, в каком желало бы подавляющее большинство кадетов. Успех партии виделся ей в некоей отдаленной перспективе. Это подтверждали и близкие кадетам такие внепартийные либералы, как кн. Е. Н. Трубецкой. В издававшемся П. Б. Струве и имевшем веховскую направленность журнале «Русская мысль» князь писал: «У нас еще не вырос тот общественный строй, который был бы в состоянии держать на себе и питать своими соками прогрессивную общественность. <...> Отсюда — крушение русской революции, крушение русской конституции, крушение и попыток создать «сильный и работоспособный центр», крушение всех попыток создать что-либо мало-мальски приличное и сносное в нашей государственной и общественной жизни. <...> Для осуществления конституционных свобод нам недостает одного необходимого условия — правового воспитания массы населения»⁴³.

Организационный и идейный кризис кадетов начался уже после IV съезда партии (сентябрь 1906 г.), констатировавшего провал «Выборгского манифе-

42. Изгоев А. На перевале // Русская мысль. 1912. №7. II паг. С. 136–137.

43. Трубецкой Е. Над разбитым корытом // Русская мысль. 1911. №2. II паг., с. 191–192.

ста». На протяжении нескольких лет эта тенденция лишь усиливалась. В ответ на новый избирательный закон 3 июня и поражение на выборах в III Думу на своем V съезде (1907 г.) кадеты лишь заявили о необходимости сосредоточиться на законодательной деятельности⁴⁴. С учетом всей предыдущей истории партии это было не просто поражением, это было признаком деморализации. Собиравшиеся с 1908 г. 1–2 раза в год партийные конференции имели скорее информационный характер, среди их участников превалировали столичные кадеты. Провинциальные делегаты, как правило, отмечали, что «к партии широкие народные массы относятся <...> даже не отрицательно — они о ней просто забыли» или «не знают»⁴⁵.

Лишь с 1910 г. (очевидно, в связи с обострением после выхода «Вех» идейного противостояния в партии) намечается рост числа местных делегатов. Основу тактики ЦК и фракции составляло ожидание изменения ситуации. Кадеты не стремились ни к сотрудничеству с думским большинством в законодательной сфере, ни к акциям, направленным на роспуск палат. Запросная тактика стала главным оружием фракции⁴⁶. Если местные делегаты выступали против столь осторожной тактики, то кадетские лидеры не стремились к досрочным выборам, опасаясь дальнейшего сужения рядов партийной фракции. На июньской конференции 1908 г. Ф. И. Родичев доходчиво объяснял местным делегатам позицию ЦК: «Если бы мы действовали без уступок, прямолинейно, мы устроили бы себе похороны, правда, по 1-му разряду. Желаете вы одобрения смертной казни — вносите в III Думу законопроект об ее отмене. То же относится и к высылкам, и к другим случаям. Если вы выберете этот путь, то безобразия, которые теперь совершаются администрацией за свой страх, будут совершаться с одобрения Государственной думы. <...> Мы знаем отлично, что мы одни — часовые на славном посту... И как таковые мы себя ведем. <...> Теперь мы идем над бездной и в азартную игру пускаться не должны на верный проигрыш. Помните стихотворение: «Дай отпор, страна родная... Но родина молчит...» Вот это-то положение мы теперь и переживаем. Но, может быть,ждемся и мы нашего времени». Сотрудничество с октябристами было практически невозможно и, в крайнем случае, могло носить лишь тактический характер: «Октябристов, по крайней мере некоторых из них, мы должны приучить не к соглашениям, а к единомыслию с нами по многим вопросам». Таким образом, Родичев рассчитывал на то, что лишь эволюция самих октябристов может стать основой сближения в достаточно отдаленном будущем. Взгляд партийного авторитета на законодательный процесс был фирменным, подлинно кадетским. По поводу законопроекта об аграрной реформе — главного в тот момент для Думы — и связанного с ней вопроса о крестьянских правах он ут-

44. Съезды и конференции... Т. 1. С. 671–672.

45. Там же. 20 октября 1908 г. С. 56–57.

46. По общему числу запросов в период III Думы кадеты уступали только социал-демократам (38, или 24% от общего числа, и 46 соответственно). Октябристы инициировали 22 запроса, правые — 15, трудовики — 12, остальные — 1–6. Всего было принято 157 запросов (Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3-го созыва. 1907–1912. СПб., 1912. С. 192).

П. Н. Миллюков

верждал: «Мы хотим НЕ РАСШИРЕНИЯ ПРАВ, А РАВНОПРАВИЯ [так в тексте — Ф. Г.]. Наше дело теперь: не портить будущего»⁴⁷.

В октябре 1908 г. была, наконец, сформулирована задача выработки «самостоятельной линии поведения, независимо от плана, проводимого большинством Государственной думы»⁴⁸. И лишь в ноябре 1909 г. была осуществлена попытка сформулировать партийный курс в третьеиюньской ситуации. Констатировав «по общему впечатлению» наличие в стране «длительного и затяжного кризиса», докладчик П. Н. Миллюков (наиболее активный и влиятельный член ЦК) выразил опасение, что «в настоящее время в стране не имеется достаточно организованных сил не только для сколько-нибудь активной борьбы с целью расширения приобретенных уступок, но даже и для сохранения уже достигнутого». Он отметил: «Нельзя скрывать от себя, что русские политические партии, все без исклю-

чения, не имеют глубоких корней в населении». Миллюков классифицировал все значимые политические течения в России по трем направлениям: «демократический монархизм», «буржуазный конституционализм» и «демократический конституционализм». Социалисты в расчет не принимались в силу их утопизма и деструктивности. Первое направление, под которым понимались думские правые и националисты, должно было в ходе своей активной деятельности «дать серьезный толчок настоящему демократическому движению» и сойти с политической сцены. Второе направление — основной союзник правительства — не имело устойчивой социальной опоры, поскольку дворянство в целом было правее, а буржуазия — левее октябристов. Расхождение этих двух сил в будущем рассматривалось Миллюковым как размывание и без того зыбкой опоры октябристской партии, что создавало условия для ее раскола. Однако в ближайшей перспективе борьба между двумя лагерями шла в политической плоскости. Основной ее ареной была не Дума, а правительство. Победа правых и формирование нового — правого — правительства вместо столыпинского должно было спровоцировать кризис и роспуск палат, причем новые выборы могли пройти на основании вновь измененного избирательного закона. В противном случае политический курс Столыпина также эволюционировал бы в правом направлении, но медленнее, и при существующей Думе. В любом случае октябристы не могли стать союзниками кадетов — в силу конъюнктурности поведения «столыпинской партии». Кроме того, от поведения самих кадетов развитие ситуации не зависело. В результате кадетская партия должна

47. Там же. С. 38–39.

48. Съезды и конференции... Т. 2. С. 49.

была руководствоваться не думскими расчетами, а собственной программой. «Сохранение партийной физиономии» являлось главной задачей.

Суть «демократического конституционализма» виделась Милюковым «в соединении радикальной политической и радикальной социальной программы», при котором политическая программа была первоочередной. «На заре свободной политической жизни», которую и переживала Россия, общественное сознание еще не могло осознать значения такого единства, стало жертвой социальной демагогии, что и вызвало поражения Первой революции. Однако «городская демократия» становилась основной социальной опорой кадетов (наряду с ней — также и национальные меньшинства). Революционная тактика на данный момент категорически отвергалась. «Усматривая в новом политическом строе самое действенное средство охраны демократических интересов, мы, естественно, должны прежде всего стремиться, чтобы средство это оказалось в наших руках»⁴⁹. Стоит отметить, что столь повышенное внимание Милюкова к вопросам социальной опоры не только самих кадетов, но и их противников, позволяет предположить, что, несмотря на прогнозы об обострении кризиса, он воспринимал существовавший порядок как относительно прочный и длительный. В мае 1910 г. на следующей партийной конференции Милюков считал правоцентристское большинство наиболее вероятной перспективой по сравнению с расколом Думы надвое или случайными соглашениями⁵⁰. В подконтрольной ему известной газете «Речь» кадетский лидер с сожалением писал: «Первая Дума кипела работой и жизнью. Она начала широко развернутой программой коренных преобразований, на которых сошлись все прогрессивные политические группы. Третья Дума живет идейными крохами, когда-то застрявшими в ее политическом рублище, как след великого общественного праздника. И эти крохи старательно разыскиваются и истребляются у сегодняшних победителей победителями завтрашнего дня. <...> Третья Дума со своей психологией запуганности, с инстинктами самосохранения, с манией подозрительности создает все новых и новых врагов из вчерашних друзей»⁵¹.

Столыпин представлялся кадетам серьезным противником: он был властолюбив, не чужд идеологии и интриги⁵². Однако подобные качества имели и слабые стороны. В.А.Маклаков отмечал: «Идеи «личных» прав, свободы, равенства, без которых весь правовой порядок может оказаться «великой ложью», были для Столыпина второстепенными; у него часто не хватало чутья, чтобы замечать то, что в действиях его им противоречило». В отличие от Бисмарка, который умел уступать ради пользы дела, Столыпин, по мнению Маклакова, «любил идти напролом, не отыскивая линии наименьшего сопротивления, не смущаясь, что плодил этим лишних врагов и открывал слабые места для попаданий»⁵³. По мнению кадетов, Столыпин возвел здание Третье-

49. Там же. С. 236–252.

50. Там же. С. 264–265.

51. Речь, 27 апреля 1910 г.

52. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 330.

53. Маклаков В.А. Вторая Государственная дума: воспоминания современника. Париж, 1939. С. 18.

июньской системы «на зыбучем песке не закончившегося политического обвала» и сам ускорял ее крушение⁵⁴. Акт 3 июня, по мысли П. Б. Струве, мог быть «оправдан» (кавычки самого Струве) только идеей постепенного упрочения конституционного строя, но этого не произошло⁵⁵. Кадеты готовились к разложению как думского большинства, так и Третьеиюньской системы в целом. В апреле 1909 г. Струве предрекал: «Октябристы, поставленные, по существу дела, на положение «кадетов» или даже только «мирнообновленцев», А. И. Гучков хотя бы на положении Д. Н. Шипова, будут живым свидетельством полного краха системы П. А. Столыпина»⁵⁶. Однако в мае 1910 г. Милюков хотя отмечал дальнейшее ослабление «личного влияния премьера», но признавал, что изменения происходили не слишком быстро⁵⁷.

В подобной ситуации даже правые кадеты считали партию главной оппозиционной силой в стране — хотя и лишь в моральном смысле. Ведущий публицист «Русской мысли» А. С. Изгоев писал: «Казалось бы, все организации к.-д. разгромлены. Партия <...> осуждена почти на полную бездеятельность и чуть ли не на разложение. <...> Лучшие силы ее тем или иным способом в большей их части изъяты с политической арены. Словом, разгром полный. И все же политическая борьба наших дней и по сию пору вертится главным образом вокруг кадетов. Объясняется это, конечно, тем, что они ярче всего выразили столь сильную в русском обществе и народе жажду закона, жажду правового порядка»⁵⁸.

Как и у кадетов, представления правых (партийных активистов, думцев и публицистов) не оставляли им шанса занять в рамках Третьеиюньской системы господствующее положение. Правая пресса, хотя часть ее и находилась на правительственной субсидии, выдерживала по отношению к правительству достаточно критический настрой. Между тем, особого влияния у правой печати, особенно в сравнении с либеральной, не было. Организационная разобщенность консерваторов также играла большую роль.

Правительство оказывало правым негласную поддержку лишь для того, чтобы противопоставить их левой общественности. Правые подвергали радикально-либеральную программу резкой критике. Кн. В. П. Мещерский, имевший в эти годы большое влияние в высших сферах, в своем собственном журнале «Гражданин» отмечал, что, как Британия была крепка своим парламентаризмом, так Россия — самодержавием⁵⁹, чего не хотели принять во внимание «наши мирабошки»⁶⁰. Активный консервативный публицист И. Гофштеттер в «Московских ведомостях», издававшихся Л. А. Тихомировым, отмечал: «Основная методологическая ошибка русского либерализма заключается

54. Милюков П. Н. Ук. соч. С. 329.

55. Струве П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. / Сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова. М., 1997. С. 132.

56. Там же. С. 131.

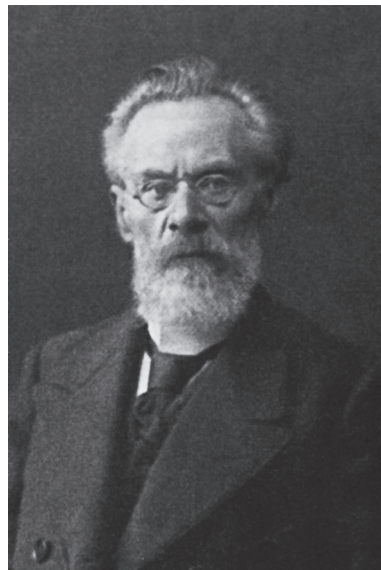
57. Съезды и конференции... Т. 2. С. 264–265.

58. Изгоев А. Политическая жизнь России // Русская мысль. 1911. №4. III паг., с. 2–6.

59. Дневник // Гражданин. 1910. №34. С. 11.

60. Лас-Нанас [Мещерский В. П., кн.]. Тайновед // Гражданин. 1910. №39. С. 15.

именно в упорном игнорировании русской государственной действительности, в утрате чувства реального, которая приводила к чисто эфемерному построению общественной деятельности и создала совершенно эфемерные завоевания нашего политического прогресса. Теоретики права и свободы, опирающиеся на английскую хартию или на французскую декларацию прав, но не на устои русской политической истории, приемлют мнимое, яко реальное, желаемое, яко даденное, сказанное, яко сделанное, жизнь осуществляют с бумагой, живут в мире политически фантомов и отвлеченностей и непрерывно, чуть ли не на каждом шагу чувствительно стучаются лбами о твердую стенку, не наживая, однако, шишек политической мудрости. <...> От дешевого и бесплодного провозглашения чужих государственно-правовых принципов давно пора бы обратиться к выработке своих собственных. Конец политического шантеклерства будет началом творческого культурно-политического служения русской передовой интеллигенции. Оно откроет новую эру в истории России»⁶¹.

Л.А. Тихомиров

Разложение самих партий, по мнению «Московских ведомостей», происходило по причине их беспочвенности. Западные партии были стабильны, поскольку представляли собой «осколки тех властных групп, которые сами некогда были правительством и сохраняют за собою историческую почву даже в преданиях народных»⁶². Именно поэтому Тихомиров считал, что землевладельцы, торгово-промышленники и рабочие должны создать свои собственные сословные партии и не идти на поводу октябристов, кадетов и социалистов⁶³. Партии политиканов и засилье парламентаризма, по мнению публициста, скрывало реальные социальные группы: «Парламентаризм скрывает вовсе не бюрократию. Бюрократия — сила служебная, она живет при парламентаризме еще лучше, чем при монархии, потому что сливается с политиканами, властвующими в государстве»⁶⁴. Националисты и октябристы расценивались как «гешефтмахеры» в рамках такой системы⁶⁵.

Либералы и социалисты были, по мнению правых, «в идейном смысле „реакционерами“». Это наиболее четко формулировал сам Тихомиров. В отношении власти он, наоборот, писал: «Монархию должно ценить, как наивысшую

61. Гофштеттер И. Правовой строй и народное правосознание // Московские ведомости, 7 мая 1910 г.

62. Внутреннее обозрение // Там же. 1 января 1914 г.

63. Еще по поводу октябризма // Там же. 24 ноября 1913 г.

64. Там же. 25 октября 1913 г.

65. Дневник // Гражданин. 1910. №26. С. 9.

форму власти, самую сильную, самую гибкую — и потому наиболее прогрессивную. Она же в наибольшей степени может поддерживать законность, если только сама правильно поставлена»⁶⁶. При этом правые четко отделяли Монарха от бюрократии и вовсе не были сторонниками Столыпина: «Преступно было бы звать Россию и ее Монарха к застою, к черной реакции, но ужас нашего положения в том, что принятая ныне программа политики, желая насадить у нас западноевропейский политический строй, в действительности насаждает чуть ли не персидскую анархию»⁶⁷. По мнению Тихомирова бюрократическое засилье являлось оборотной стороной парламентаризма и вело Россию к государственной катастрофе.

Человечность государственного деятеля Лев Александрович считал качеством, прямо противоположным бюрократизму. Так в отношении нового товарища министра внутренних дел В.Ф.Джунковского Тихомировым отмечалось, что он — «не бюрократ, не формалист, а живой человек, который встал лицом к лицу к населению, подошел к его нуждам и потребностям»⁶⁸. Однако в целом, как считал Тихомиров, «правительственная власть слишком надышалась болотными испарениями русского либерализма»⁶⁹. В результате сложился союз бюрократии и парламентской оппозиции. Новый строй оказался более бюрократичен, чем прежний⁷⁰. Как отмечал корреспондент «Московских ведомостей» А. Волынец (А.П.Липранди), опыт Запада учил тому же: бюрократизм и парламентаризм вовсе не были противоположны. Приводился пример Франции — страны парламентаристской и крайне бюрократизированной. Секрет раскрывался просто: и парламент, и бюрократия оказались под контролем партий, что еще более усилило коррупцию и бюрократизм⁷¹. Комментируя тенденции развития современной ему России, Тихомиров отмечал, что усиление «полицейской силы» государства вовсе не противоречило одновременно «ослаблению нравственного влияния государства» и «чудовищно растущему развитию партий, этих политиканствующих организаций, которые должны править государством и народом»⁷².

Проводимые правительством реформы в целом не отвечали вкусам правых. Тихомиров резко протестовал против судебной реформы, активно проводимой ведомством И.Г.Щегловитова⁷³. Власть, как отмечал публицист, сама создавала такой суд и такую школу, которые вместе с Думой готовили революцию. С помощью проводившихся властью реформ усиливала свое влияние ин-

66. Монархизм и прогресс // Московские ведомости, 25 августа 1913 г.

67. *Гофштеттер И.* Политическое значение закона 9 ноября. Часть 3 // Там же. 9 апреля 1910 г.

68. *Тихомиров Л.А.* Владимир Федорович Джунковский // Там же. 27 января 1913 г.

69. *Его же*, Оппозиция и власть // Там же. 1 марта 1914 г.

70. *Его же*, Какое государство мы выращиваем? // Там же. 30 апреля 1911 г.

71. *Волынец А.* [Липранди А.П.] Парламентаризм и бюрократизм // Там же. 20 октября 1910 г.

72. *Тихомиров Л.А.* Два противоположных явления в современной эволюции России // Там же. 4 января 1913 г.

73. *Его же*, Страхование рабочих // Московские ведомости, 11 февраля 1911 г.